

Г. Ю. БОРОДИНА

Исторический архив Омской области, Омск, Россия

**СОЦИАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ СКВОЗЬ ПРИЗМУ ПРАКТИЧЕСКОЙ ГЕНЕАЛОГИИ
(НА ПРИМЕРЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЬНИЦ ОМСКОЙ СЕМЬИ АЛЕКСЕЕВЫХ)**

Аннотация: В исследовании на основе соотнесения неопубликованных источников из фондов архивов с устной историей и фотографиями представлена судьба представительниц мещанской семьи Алексеевых, длительный период проживавших в Омске. Освещены попытки адаптации представителей этой семьи к изменениям в социальной обстановке в период Гражданской войны, а также в 1920–1950-е гг.

Ключевые слова: социальная адаптация, советское общество, гендерная история, Гражданская война, «бывшие люди», репрессии, греки, практическая генеалогия.

Постановка проблемы. Современные исследователи, изучающие российское общество в военно-революционный период 1917–1922 гг., стали достаточно часто обращаться к рассмотрению данного вопроса сквозь призму социальной истории и практической генеалогии. Подобный индуктивный подход позволяет на частных примерах подробнее описать масштабные явления, имевшие место в жизни страны, а также показать степень влияния социальных процессов на представителей общества. Известны научные работы, написанные в таком ключе, связанные в указанный период и с жителями Омского региона [1–12]. Также важно отметить, что социальная история Революции и Гражданской войны имеет тесную связь с вопросом социальной адаптации. Политические катаклизмы тех лет значительно обострили социальные процессы для всех слоев населения. Данный тезис подчеркивает в своих публикациях новосибирский историк В.И. Шишкин [13–14]. Мещане были выбраны нами в качестве объекта исследования, поскольку на рубеже XIX–XX вв. они являлись одной из многочисленных групп городского населения Западной Сибири [15].

Основная часть. Омский мещанин Василий Иванович Алексеев с женой Анной Исаевной (? – [после 1925]) жили в Казачьем форштадте Омска. В их семье воспитывались три дочери: Ольга (родилась 3/15 июля 1878 г., была крещена в Крестовоздвиженской церкви [16, л. 25]), Таисия (родилась в 1882 г.) и Евдокия (родилась в 1884 г.). Рассмотрим судьбы каждой из сестер. Ольга Васильевна Алексеева 18 лет от роду 27 января / 8 февраля 1897 г. в Войсковой казачьей Николаевской церкви обвенчалась с 24-летним казаком станицы Омской Михаилом Васильевичем Беловым [17, л. 108]. У Беловых 15/27 ноября 1898 г. родилась дочь Екатерина (крещена в Николаевской церкви) [18, л. 103]. Детализировать дореволюционную жизнь Ольги Васильевны не представилось возможным. Известно, что революционные события 1917 г. и последовавшая Гражданская война сломали ее семейное счастье. М.В. Белов в чине подьесаула воевал в Сибири на стороне антибольшевистского движения. По словам Ольги Васильевны, за это он был расстрелян советскими карательными органами. Косвенное данное подтверждение факта имеется в краткой газетной заметке, сообщающей о том, что «подьесаул белой армии Белов расстрелян» [19]. После этого она отрезала на их общей фотографии ту ее часть, где он изображен; в таком виде снимок («запечатлевший» теперь лишь супругу и дочь казачьего офицера) и дошел до наших дней. О.В. Белова объясняла порчу фотографии наивно звучащими словами, что якобы искренне она никогда не любила

своего мужа. Стоит сказать, что в советском обществе подобное «стирание» семейной памяти посредством уничтожения семейных реликвий было распространенным последствием политических репрессий.

Сохранилась фотография Екатерины Михайловны Беловой. На обороте снимка указано, что она – артистка. Жизненный финал дочери О.В. Беловой, по семейным сведениям, был трагичен: во второй половине 1920-х гг. молодая и привлекательная девушка простудилась, выступая на одной из омских первомайских демонстраций, и вскоре умерла.

Судьба Ольги Васильевны до 1952 г. осталось во многом неясной. Вся ее предыдущая жизнь, также как и судьбы ее родных, ею тщательно скрывались, и как впоследствии оказалось, небезосновательно. Со слов О.В. Беловой было лишь известно, что раньше жила она в достатке, муж погиб в 1920 г., дочь артистка умерла молодой. Известно, что Ольга Васильевна некоторое время провела в местах лишения свободы. К 1950-м гг., выйдя из лагеря, пожилая женщина, живя в Омске по адресу 4-я Линия, 77, была просвирней при Свято-Никольской церкви (ныне Свято-Никольский Казанский собор). В 1953 г. семье Кутейниковых (откуда происходит автор статьи) потребовалась няня для новорожденного ребенка. Мать автора статьи М.В. Кутейникова должна была работать, так как глава семьи был болен туберкулезом. В итоге, О.В. Белова приняла посильное участие в воспитании автора статьи, а также в уходе за тяжелобольным Ю.П. Кутейниковым. Вплоть до 1961 г. она прожила в приютившей ее семье на правах очень уважаемого и родного человека. Ольга Васильевна Белова ушла из жизни в 1962 г. в возрасте 84 лет, была похоронена на Старо-Южном кладбище рядом с прадедом, прабабушкой и отцом автора данной работы.

Также Ольга Васильевна рассказывала, что была у нее родная еще сестра, Таисия, некогда жившая в Омске, а впоследствии – в Греции, носившая в замужестве экзотически звучащую для России фамилию – Дунья-Оглу. У О.В. Беловой сохранились две фотографии Таисии (сделаны в Омске, в ателье И. Кадыша в 1919 г.). На одной Таисия запечатлена с мужем, на другой – с сыном Владимиром и матерью А.И. Алексеевой. Много о судьбе Таисии удалось найти в архивных документах.

Мещанка Таисия Васильевна Алексеева 7/20 июля 1918 г., не состоя в законном браке, родила сына Владимира, крещенного в Пророко-Ильинской церкви. А ровно через 3 месяца, 7/20 октября 1918 г. греческий подданный Александр Николаевич Дунья-Оглу обвенчался с Т.В. Алексеевой. Жениху тогда был 51 год, невесте – 30 лет. Примечательно, что одним из поручителей со стороны жениха являлся потомственный гражданин города Омска Георгий Яковлевич Серебряков – известный табачный фабрикант. После этого в запись о рождении Владимира внесли дополнение о том, что согласно определению Омского окружного суда от 5 декабря 1918 г. младенца усыновили супруги Дунья-Оглу [20, л. 60, 153].

Судьба мужа Таисии Васильевны, Александра Николаевича Дунья-Оглу поистине необычна, остановимся на ней подробнее. Родился он в 1870 г. в Константинополе (ныне Стамбул). В 1890 г. вместе с отцом он приехал в Россию, где сначала работал на табачной плантации в Донской области, затем перебрался в Москву. В 1894 г. Александр Николаевич прибыл в Омск, где вначале заведовал табачным магазином по адресу Продольная, 8. В 1896–1908 гг. являлся вояжером Табачной фабрики Г.Я. Серебрякова почти с момента ее основания. Фабрика размещалась на углу улиц Томской / Лермонтовской и Варламовской [21, л. 7–8]. Продукция фабрики, удостоенная Большой золотой медали на 1-й Западно-Сибирской выставке 1911 г., производилась из лучших сортов листового табака, привезенного из Крыма и южных берегов Турции. Близ фабрики в доме на Кокуйской, 51 проживал и Дунья-Оглу [22, с. 15]. Неудивительно, что купец I-й гильдии Г.Я. Серебряков, владелец табачной фабрики стал поручителем при бракосочетании А.Н. Дунья-Оглу с Т.В. Алексеевой.

Работая на фабрике Александр Николаевич, не раз выезжал во Владивосток и Харбин. С 1908 по 1913 гг. он был представителем товарищества братьев Шамшуриных в Сибири, а с 1913 по 1918 гг. – представителем Феодосийской фабрики Стамболи в Сибири. Старейшая в Крыму фабрика Стамболи имела представительства в городах Европы, а также в Сибири, активно работала в Первую мировую и Гражданские войны. Ее табачки и папиросы дважды были удостоены высшей награды на выставке в Париже в 1895 и 1900 гг. В марте 1918 г. фабрика была национализирована. Поэтому в 1918 г. Александр Николаевич открывает товарищество «Дунья-Оглу и К^о», которым руководил до 1919 г. Компания имела «Византийский табачный магазин». Одновременно Александр Николаевич был уполномоченным греческого консульства в Омске и председателем правления греческой колонии эллинов, проживающих в Западной Сибири. С этой целью Дунья-Оглу договорился с французским консулом де-Мартелем о совместных действиях по защите интересов соотечественников. При отступлении белой армии Дунья-Оглу остался в Омске. С приходом советской власти все его имущество – 5 домов по адресам Будочная, 28, Кокуйская, 51, Декабристов, д. 48, Съездовская, д. 44, Лагерная 48, Троцкого, 89, 4-я Линия, 57 – в 1923–1925 гг. было муниципализировано [22, с. 15, 67, 72]. Как и многие большие частновладельческие постройки, при муниципализации они были отнесены ко II-й группе (куда относились различные товарищества, крупные дома, городские общества, гимназии и религиозные общины). Новой властью в 1920 г. Александру Николаевичу было предложено поступить на работу в какое либо советское учреждение, что он и поспешил исполнить.

В 1920–1921 гг. он заведовал Табачной секцией Омгубсовнархоза, а затем 1-й табачной фабрикой. И в одном доме по адресу Кокуйская, 51 вместе с Александром, Таисией и Владимиром Дунья-Оглу жили овдовевшая О.В. Белова, ее мать Анна Исаевна, дочь Екатерина, незамужняя сестра Евдокия. Оставшись жить в привычном жилье, представители семьи теперь уже не являлись полноценными хозяевами дома: после «уплотнения» они жили с подселением.

В этот период Александр Николаевич, как явный представитель категории «бывших людей», впервые подвергся политическому притеснению. В доме семьи Дунья-Оглу 16 июня 1920 г. сотрудники Омской губЧК произвели обыск, изъяв имущество («присвоенное от бежавшей буржуазии и не законно хранящееся»), в том числе, золотые часы, суммы в царских, «керенках» и «сибирских» деньгах, пианино и мн. др. Часть изъятых ценностей была зашита в подушки и детский матрас. После обыска чекистами под ответственность О.В. Беловой были сданы две опечатанные комнаты. Арестованному главе семейства Омский губернский ревтрибунал инкриминировал, в итоге, «понижение производительности труда на 1-й Сибирской государственной советской табачной фабрике». Мерой пресечения избрали подписку о невыезде. Но уголовное дело, в конечном счете, прекратили за недостатком улик [23, л. 12–13, 45, 49].

Александр Дунья-Оглу с 1924 г. стал кассиром Мясосоюза, а с 1926 г. – возглавил АЗВИН по Сибири. Затем Александр Николаевич организовал табачную артель «Малоросс», в ней до 1936 г. он работал председателем правления и заведующим производством. Судя по занимаемым им должностям, семья жила в достатке, а в 1932 г. даже выезжала для лечения на Железноводский курорт [21, л. 11об.]. Но общее ужесточение общественно-политической жизни в СССР сказалось и на А.Н. Дунья-Оглу. Главу семьи Омский горисполком лишил избирательных прав, но, в 1929 г. Александра Николаевича в правах восстановили [24].

Отметим и другую важную деталь – в 1924–1937 гг. А.Н. Дунья-Оглу непрерывно работал председателем исполнительного органа церкви Святого Михаил Клопского (Галкинской) [21, л. 8об.]. Этот храм был сооружен на территории упраздненного кладбища (ныне пересечение улиц 10 лет Октября и Маршала Жукова) на средства купеческой вдовы

В.Л. Галкиной в 1898-1902 гг. [25, с. 38]. По постановлению президиума Омского областного совета от 5 ноября 1936 г. территорию церкви отдали под строительство школы. Но уже 26 ноября 1936 г. в облисполком община верующих (насчитывала 445 человек) подала протест. Инициатором его был А.Н. Дунья-Оглу. В протесте указывалось, что принимая решение о сносе церкви, облисполком нарушает договор с общиной, каковой община четко исполняла. Снос здания в 1936 г. приостановили. В этом же году Александр Николаевич выступил против сноса Крестовоздвиженской церкви. Вопрос о сносе Галкинской церкви ушел во ВЦИК, там его долго рассматривали, наконец, 25 декабря 1937 г. президиум ВЦИК принял постановление за подписью М.И. Калинина: «Церковь закрыть. Здание снести». Попытки отстоять храмы не остались безнаказанными для Александра Николаевича. 28 мая 1937 г. он был арестован и привлечен в качестве обвиняемого по статье 58 п. 10 УК РСФСР. Мерой пресечения была избрана подписка о невыезде [21, л. 4].

В обвинительном заключении от 9 июля 1937 г. Дунья-Оглу обвинялся в том, что: «1) Вместе с духовенством и контрреволюционным активом из числа церковников развернул работу по открытию всех ранее закрытых церквей; 2) Организовал передачу денег, принадлежащих церкви контрреволюционному духовенству, отбывавшему наказание за контрреволюционный протест; 3) В церкви вел контрреволюционную троцкистскую агитацию; 4) Компрометировал новую конституцию; 5) Вел пораженческую агитацию. В соответствии с этим дело было направлено на рассмотрение ОСО НКВД СССР» [21, л. 26–27]. В итоге, в отношении А.Н. Дунья-Оглу 9 августа 1937 г. было принято постановление: «как нежелательного иностранца – выслать из пределов СССР» [21, л. 30].

УНКВД по Омской области 4 февраля 1938 г. отапортовало в 8-е отделение ГУГБ НКВД СССР о том, что «греческий гражданин Дунья-Оглу А.Н. выбыл за границу 11 января 1938 г.» [21, л. 31]. Подчеркнем, что относительная мягкость «решения» понятна – Дунья-Оглу не был подданным СССР. Высылка из страны для него, по сути, была высшей мерой наказания. Галкинскую церковь в 1938 г. закрыли, а в 1956 г. снесли. Чета Дунья-Оглу с сыном уехали в Грецию, обосновались в Салониках, где А.Н. Дунья-Оглу умер в 1943 г. Прокуратурой Омской области 14 апреля 1989 г. он был реабилитирован [21, л. 33].

После окончания Второй мировой войны и возможностью почтового сообщения с СССР овдовевшая Т.В. Дунья-Оглу предприняла попытку воссоединиться с омскими родственниками. О.В. Белова хранила письмо сестры, присланное в 1946 г., в нем читаем: «Дорогая сестра Оля, пишу тебе о том, что мне в чужой стране живется одиноко и трудно. Очень хотелось мне повидаться с Вами на родине. А так как я не получаю от Вас писем, то я не могу получить право на выезд на родину со стороны властей. Нужно иметь письмо [человека], к кому я приеду в Россию, поэтому прошу тебя пришли мне его скорее. Любящая твоя сестра Таисия Васильевна Алексеева [26]. Судя по ответу Консульского управления МИД СССР от 16 ноября 1946 г., такое письмо 14 октября 1946 г. в Президиум Верховного совета СССР О.В. Беловой было отправлено. В ответе Т.В. Дунья-Оглу рекомендовалось лично обратиться в консульский отдел посольства СССР в Афинах для оформления необходимых документов для въезда в СССР [27]. На этом переписка прервалась. О.В. Белова не имела своего жилья, считая, что сестре приезжать просто некуда. Кроме того, она держала обиду на сестру, увезшую в Грецию основную часть семейного капитала, оставив ее и сестру Евдокию ни с чем. Сестра Ольги Васильевны, Евдокия Белова некоторый период жизни жила при Свято-Никольской церкви, после чего тоже стала няней в семье Пушкаревых (родственников автора работы), где и умерла. О ее судьбе мы имеем лишь отрывочные сведения со слов О.В. Беловой.

Результаты исследования. Таким образом, практически все члены семьи в тот или иной отрезок жизненного пути нашли приют в церквях. Не удивительно, что А.Н. Дунья-Оглу так ратовал за сохранение церквей и был против их закрытия и сноса. Сегодня лишь четыре фотографии, два письма и издание «Библейских мотивов» 1897 г. с иллюстрациями Г. Доре – это все, что напоминает о жизни омских семей – Алексеевых, Беловых и Дунья-Оглу. В то же время, судьбы сестер во многом показательны. Именно Гражданская война стала событием коренным образом, нарушившим сложившийся уклад жизни трех сестер, которые, пройдя через жизненные перипетии, избрали для себя разные формы социальной адаптации к условиям, измененным большой политикой.

Обращение к методам практической генеалогии делает интерпретацию событий прошлого гораздо более доступной, ведь в основе такого подхода лежит антропологическое начало. А именно оно, на наш взгляд, стоит ближе всего к сознанию любого человека, независимо от его образования, профессии, пола, возраста и иных факторов.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ефремова Ю.Н. Загадки родословной: Муромцевы, Тачины, Чередовы / [авт. предисл. С.Н. Смирнов] Омск: [Б.и.], 2003. 188 с.
2. Родословная книга Сибири: [сб. ст. / Омский генеалогический центр «Связь поколений»; сост. и ред. Ю.Н. Ефремова]. Омск : Омскбланкиздат, 2014. 501 с.
3. Ефремова Ю.Н. Родословная семьи Левинзон. Омск: «Золотой тираж» (ООО «Омскбланкиздат»), 2016. 202 с.
4. Петин Д.И. Петр Иванович Мозер: жизненный путь француза на русской службе // Вестник архивиста. 2014. № 4. С. 211–236.
5. Петин Д.И. Николай Батюшкин: биографические источники в реконструкции жизненного пути харбинского белоэмигранта // Вестник архивиста. 2016. № 2. С. 249–282.
6. Каминский В.В., Верременко В.А. Дворянская семья Барановских на сломе эпох // Новейшая история России. 2016. № 3. С. 64–83. DOI 10.21638/11701/spbu24.2016.304.
7. Петин Д.И., Каминский В.В. Генерал-майор Генштаба Н.Н. Артамонов (1872–1937): биография сквозь призму новых источников // Вестник архивиста. 2017. № 3. С. 274–300.
8. Петин Д.И. Личное дело лица, лишённого избирательных прав, как информационный комплекс в практической генеалогии (на примере судьбы кадрового офицера Русской императорской армии М.К. Гомбинского) // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2017. № 3. С. 22–26.
9. Огородникова Л.И., Лосунов А.М. Корнилов из рода Корниловых (по документам Исторического архива Омской области) // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2018. № 1. С. 22–28.
10. Петин Д.И. «Известий не имею о нем и сам не пишу»: источники личного происхождения о судьбе эмигранта Николая Николаевича Артамонова-младшего // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2018. № 2. С. 18–23.
11. Кротова М.В. Иван Адрианович Михайлов в эмиграции в Харбине // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2019. Т. 4, № 2. С. 64–71.
12. Ефремова Ю.Н., Оссовский А.В. Оссовские герба Долэнга. XVII–XXI вв. Омск: Типография «Золотой тираж» (ООО «Омскбланкиздат»), 2019. 500 с.
13. Шишкин В.И. Проблемы социальной адаптации населения России: историографические итоги и перспективы изучения // Гуманитарные науки в Сибири. Новосибирск. 2010. № 4. С. 69–73.

14. Шишкин В.И. Политическая адаптация населения Сибири в XX веке: теоретико-методологические подходы и историографические результаты изучения // Политическая адаптация населения Сибири в первой трети XX века. Сб. науч. ст. Новосибирск: Параллель, Ин-т истории СО РАН, 2015. С. 3–44.

15. Чутчев В.С. Мещанское сословие Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX в. дисс.... канд. ист. наук / 07.00.02. Барнаул, 2004. 240 с.

16. ГИАОО. Ф. 16. Оп. 8. Д. 32.

17. ГИАОО. Ф. 16. Оп. 6. Д. 510.

18. ГИАОО. Ф. 16. Оп. 6. Д. 514.

19. Советская Сибирь (Омск). 1920. № 135. С. 4.

20. ГИАОО. Ф. 16. Оп. 11. Д. 129.

21. Архив УФСБ России по Омской области. Ф. 4. АУД. П–9041. Т. 1.

22. Муниципализированный фонд по городу Омску 1923–1925 годов / В.К. Шель, В.И. Селюк. Омск: Амфора. 100 с.

23. ГИАОО. Ф. Р–439. Оп. 1. Д. 2216.

24. ГИАОО. Ф. Р–235. Оп. 8. Д. 1441.

25. Справочник-указатель по фондам Исторического архива Омской области Метрические книги. Ч. I / отв. сост. Л.И. Огородникова. Омск: Амфора, 2016. 488 с.

26. Письмо Т.В. Дунья-Оглу, адресованное О.В. Беловой. 1946 г. // Из личного архива Г.Ю. Бородиной.

27. Письмо Консульского управления МИД СССР, адресованное О.В. Беловой. 16 ноября 1946 г. // Из личного архива Г.Ю. Бородиной.